

Миграционная политика Саудовской Аравии в свете программы реформ «Видение: 2030»

Saudi Arabia migration policy in the light of the «Vision 2030»

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-1-92-103

УДК 314.7

Получено: 26.12.2020

Одобрено: 25.02.2021

Опубликовано: 25.03.2021

Аршин К.В.

канд. филос. наук, ученый секретарь Федерального исследовательского центра картофеля имени А.Г. Лорха

e-mail: Kosta-10@yandex.ru

Arshin K.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary, Russian Potato Research Centre

e-mail: Kosta-10@yandex.ru

Аннотация

Миграционная система Саудовской Аравии считается одной из наиболее жестких в мире. Тем не менее данное государство остается привлекательным для мигрантов в силу возможностей для заработка. Целью настоящей работы выступает исследование ключевых аспектов миграционной политики Саудовской Аравии (идеологических, социальных и политических), определяющих ее состояние на современном этапе. В рамках данного исследования были использованы методы системного и логического анализа, а также исторический метод. Указанные методы позволили, с одной стороны, обобщить, логически структурировать и интерпретировать собранные данные, с другой стороны, выделить факторы, оказывающие существенное влияние на миграционные процессы в Саудовской Аравии и представить их развитие в исторической динамике. По итогам исследования установлено, что миграционная политика Саудовской Аравии в значительной мере базируется на том историческом контексте, в котором происходило становление государства, и на тех идеологических постулатах (ваххабизм), которые были использованы для обеспечения общественного единства Королевства. Опыт Саудовской Аравии в формировании и проведении миграционной политики является достаточно специфическим и не может служить универсальной моделью для государств, имеющих иные идеологические ценности и нормы. Более того, само Королевство в целях осуществления модернизации экономики государства готово к пересмотру основ, на которых базируется миграционная система страны.

Ключевые слова: миграция, Саудовская Аравия, шииты, кафала, муттаваин, реформа, «Видение: 2030».

Abstract

The migration system of Saudi Arabia is considered as one of the most rigid in the world. Nevertheless, this state remains attractive to migrants due to due to earning opportunities. The purpose of this work is to study the key aspects of the migration policy of Saudi Arabia (ideological, social and political) that determine its state at the present stage. Within the framework of this research, the methods of systemic and logical analysis, as well as the historical method were used. These methods made it possible, on the one hand, to generalize, logically structure and interpret the collected data, on the other hand, to highlight the factors that have a

significant impact on migration processes in Saudi Arabia and to present their development in historical dynamics. The study found that the migration policy of Saudi Arabia is largely based on the historical context in which the formation of the state took place, and on those ideological postulates (Wahhabism) that were used to ensure the social unity of the kingdom. The experience of Saudi Arabia in the formation and implementation of migration policy is quite specific and cannot serve as a universal model for states with different ideological values and norms. Moreover, the Kingdom itself, in order to modernize the state's economy, is ready to revise the foundations on which the country's migration system is based.

Keywords: migration, Saudi Arabia, Shiites, kafala, muttawain, reform, «Vision: 2030».

Введение

Страны Персидского залива, заинтересованные в привлечении большого количества трудовых мигрантов, выступают важными реципиентами мировых миграционных потоков. В ряде государств региона количество мигрантов крайне значительно и практически приближается к численности коренного населения. Так, например, в монархиях Персидского залива численность мигрантов в общей численности населения составляет от 74% (в Кувейте) до 88% (в Объединенных Арабских Эмиратах) [9].

Такое количество мигрантов обусловлено историческими причинами. В течение большей части своего исторического развития государства Аравийского полуострова характеризовались крайне отсталыми социально-экономическими отношениями. В силу этого наблюдался как низкий уровень образования коренного населения (которое в основной массе принадлежало к кочевникам-бедуинам), так и неразвитость промышленности и инфраструктуры. Отсутствие развитой промышленности и интенсивного сельского хозяйства отнюдь не способствовало росту образовательного уровня коренного населения. Как следствие, в данных странах практически не было квалифицированных кадров, в которых, справедливости ради следует сказать, указанные государства не нуждались.

Однако во второй половине XX в. ситуация существенным образом изменилась. Активная эксплуатация нефтяных месторождений обусловила необходимость в создании современной инфраструктуры для добывающей промышленности. В силу отсутствия необходимых местных кадров, было принято единственное решение – использовать труд мигрантов, обладающих необходимой квалификацией и готовых выполнять непрестижную работу, на которую никогда бы не согласился гордый бедуин. Как следствие, большая часть вакансий, как в сфере квалифицированного труда, так и в сфере труда неквалифицированного стали заполняться иностранными гражданами. Рост экономики стран Персидского залива, в силу чего появлялись новые вакансии, которые, в свою очередь, заполнялись новыми мигрантами, привел не только к общему росту численности иностранных граждан в структуре населения государств Аравийского полуострова, но и формированию своеобразных национально-профессиональных анклавов в экономиках указанных стран. Так, например, туристическая отрасль в основном зиждется на труде выходцев из стран Южной и Юго-Восточной Азии. Туристический бизнес, сфера обслуживания, розничная торговля занята выходцами с Индостана (индийцами и пакистанцами)¹. В Саудовской Аравии женщины из Индонезии, Шри-Ланки и Филиппин занимают вакансии домашней прислуги и медсестер.

Саудовская Аравия является одним из крупнейших и богатейших государств Аравийского полуострова и, будучи одновременно важным религиозным центром, выступает центром притяжения для мигрантов из исламских стран, прибывающих как в поисках работы, так и в рамках реализации гуманитарных целей (хадж, образование и т.д.) [9, 17]. Поскольку Саудовская Аравия – относительно закрытое от внешнего мира

¹ Полонский И. «Неарабские эмираты»: мигранты в странах Персидского залива // Военное обозрение – URL: <https://topwar.ru/66756-nearabskie-emiraty-migranty-v-stranah-persidskogo-zaliva.html> (дата обращения: 02.01.2021).

государство, ее миграционная политика в значительной мере находилась в тени исследовательского интереса (что не подразумевает полное отсутствие подобного интереса) и в значительной степени была сопряжена с изучением более общих вопросов экономического и социального развития страны. Однако активизация Саудовской Аравии в регионе, связанная, с одной стороны, с событиями «Арабской весны» 2011 г. и появлением на Ближнем Востоке террористических организационных структур, а с другой стороны, реализацией масштабных внутривосточных реформ (проект «Видение 2020»), заставляет исследователей обратить более пристальное внимание именно на миграционную политику государства как средство «мягкой силы» [12, 17]. Попытка же Саудовской Аравии предложить и реализовать масштабные внешнеполитические [18] и внутривосточные проекты [3] привлекает внимание иностранных государственных деятелей, ищущих в ее шагах пример успешных реформ уже для своих государств². В силу указанных причин анализ миграционной политики Саудовской Аравии на современном этапе представляет несомненный исследовательский интерес. Таким образом, целью настоящей работы выступает исследование ключевых аспектов миграционной политики Саудовской Аравии (идеологических, социальных и политических), определяющих ее состояние на современном этапе.

Обзор научной литературы

Как было указано выше, миграционная политика Саудовской Аравии рассматривается по преимуществу в контексте политики в сфере миграции, характерной для стран региона. Так, С.В. Кривов, И.В. Рыжов и Е.В. Гнездова (Сидорова) рассматривают политику Саудовской Аравии в области гражданства в рамках аналогичной политики, проводимой иными странами Ближнего Востока [6]. С.В. Рязанцев, В.А. Безвербный, М. Химси анализируют влияние диаспор и трудовой миграции на социально-экономическое развитие государств ближневосточного региона [16] и приходят к выводу, что на экономическое развитие стран Ближнего Востока оказывают значительное влияние экономические позиции диаспор, которые в силу этого могут оказывать влияние уже на политическое развитие стран исхода. Общую картину развития миграционных процессов на арабском Востоке в исторической перспективе дают уже упомянутые Кривов и Сидорова [7]. Причина представления политики Саудовской Аравии в сфере миграции в контексте миграционной политики ближневосточных государств кроется в том, что Саудовская Аравия на протяжении XX столетия выступала в качестве политического и религиозного лидера в развитии региона, жестко отстаивая свое лидерство в борьбе с конкурирующими проектами (секулярным проектом Египта 1960–1970-х гг., проектами Турции и Ирана в 1990–2010-е гг. [18]). Как следствие, сложилось то, что можно назвать Ближневосточной миграционной системой, центр которой находится именно в Саудовской Аравии.

Немногочисленные работы, посвященные миграционным процессам именно в Саудовской Аравии, представляют несомненный интерес. К таковым, прежде всего, следует отнести обширную статью Н.А. Медушевского [9], в которой он анализирует миграционную политику страны в отношении двух наиболее многочисленных групп мигрантов – трудовых мигрантов и беженцев – как сквозь призму прагматических интересов Саудовской Аравии, так и влияния религиозного фактора. Последний оказывает столь существенное влияние на миграционную политику страны, что ряд авторов специально останавливаются на миграционной проблематике в рамках своего исследования вопроса развития ваххабитской версии ислама в Саудовской Аравии и ее влияния на политику государства. Так, О.С. Чикризова анализирует хадж как часть миграционной политики страны [17]. О.Н. Попенков [15], М.Д. Мохаммад и А.П. Ворочков [11] акцентируют роль трудовых мигрантов как проводников интересов

² Котляр А. Медведев предложил арабский опыт ответственности работодателя за мигранта – URL: <https://www.rbc.ru/society/03/08/2020/5f27f9c59a7947b1a8e77aab> (дата обращения: 02.01.2021).

Саудовской Аравии и «ваххабитского» ислама. И хотя, как будет показано ниже, столь однозначная трактовка не может считаться верной, возможности королевства по использованию инструментов «мягкой силы» едва ли следует преуменьшать.

Методы

В рамках данного исследования были использованы методы системного и логического анализа, а также исторический метод. Исторический метод позволил в значительной мере реконструировать процессы формирования Саудовской Аравии как государства с самостоятельной миграционной политикой, выделить факторы, оказавшие влияние на указанный процесс. Использование системного анализа позволило обобщить и систематизировать собранные в процессе исследования данные. Логический анализ позволил интерпретировать собранные данные.

Результаты анализа

В целом, следует отметить, что именно выходцы из Южной и Юго-Восточной Азии формируют основной поток мигрантов в страны Персидского залива. Также значительно число мигрантов прибывает из восточноафриканских государств – Эфиопия, Эритрея, Сомали. Но они проигрывают выходцам из Юго-Восточной Азии в квалификации. Большой сегмент иностранной рабочей силы в государствах Аравийского полуострова формируют выходцы из арабских стран. Однако в течение последних десятилетий наблюдается тенденция снижения ее количества. К настоящему моменту в таких странах как Оман и Бахрейн численность мигрантов-арабов в общей массе мигрантов составляет не более 10%, в Саудовской Аравии, Кувейте и Катаре она чуть выше и составляет от 20 до 38% от общего количества трудовых мигрантов³.

В течение последних лет наблюдается рост численности мигрантов из республик Средней Азии – Таджикистана и Узбекистана, но пока их численность относительно других представителей иных национальных групп невелика. Также невелика численность представителей США и государств Западной Европы.

Саудовская Аравия, как уже было указано выше, с одной стороны, является самым крупным государством региона. С другой стороны, ее следует признать и идеологическим лидером. На ее территории расположены священные для каждого мусульманина святыни, и ее ежегодно посещает несколько миллионов паломников-мусульман. Соответственно, те процессы, которые характерны для всех государств региона, наиболее четко могут быть проанализированы именно на примере Саудовской Аравии, в том числе процессы, касающиеся миграционной сферы.

Как и остальные государства региона, Саудовская Аравия характеризуется высоким показателем мигрантов в структуре населения страны. По состоянию на 2010 г., согласно официальной переписи населения, данный показатель составлял 32% (8,5 млн чел. при численности населения в 34,2 млн чел.)⁴. Причем, именно Саудовская Аравия выступает основным центром трудовой миграции в регионе. Ежегодно она принимает порядка 10 млн мигрантов. Основные страны-доноры мигрантов традиционны для стран Персидского залива – Индия, Пакистан, Бангладеш, Египет и Филиппины.

Необходимо отметить, что политика Саудовской Аравии, как и политика стран региона, в отношении мигрантов достаточно жесткая. Она нацелена на привлечение в страну трудовых мигрантов, пребывание которых в стране имеет временный характер. Соответственно на таких мигрантов не распространяется вся совокупность гражданских прав. Более того, они находятся под постоянной угрозой депортации. Такая система

³ Полонский И. «Неарабские эмираты»: мигранты в странах Персидского залива // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/66756-nearabskie-emiraty-migranty-v-stranah-persidskogo-zaliva.html> (дата обращения: 02.01.2021).

⁴ Population Estimates. General authority for statistics. – URL: <https://stats.gov.sa/en/391> (дата обращения: 02.01.2021).

привлечения иностранных работников получила название кафала. Ее основа была заложена в 1969 г., когда был принят закон, устанавливающий, что при получении визы иностранный гражданин, прибывающий на территорию Саудовской Аравии с целью осуществления трудовой деятельности, должен предоставить поручительство от саудовского гражданина. Именно саудовский гражданин, пригласивший трудового мигранта, должен оформить ему вид на жительство и трудовую карту.

Следует отметить, что значительная часть работодателей предпочитает не оформлять какие-либо документы на приглашенных ими мигрантов. Как следствие, указанные мигранты превращаются в нелегалов. Однако, даже те мигранты, которым посчастливилось получить легальный статус, оказываются в полной зависимости от своего работодателя, которого нельзя сменить. Работодатель же, в свою очередь, практически освобожден от каких-либо обязательств по отношению к нанятому трудовому мигранту. Ситуация фактического бесправия трудовых мигрантов привлекает внимание международных правозащитных организаций, в частности Human Rights Watch. Однако, несмотря на многочисленные призывы отменить правила кафала [1] в пользу более гибких форм рекрутинга трудовых мигрантов, власти Саудовской Аравии их сохраняют даже в условиях растущей угрозы со стороны мигрантов, все чаще выражающих недовольство. Так, например, начиная с 2014 г., трудовые мигранты из Пакистана регулярно протестуют против практики невыплаты им заработной платы. В 2017 г. столкновения между мигрантами и правоохранительными органами произошли в Мекке. Многие мигранты бегут от своих работодателей, теряя свой трудовой статус и пополняя число нелегальных мигрантов.

Последняя проблема, проблема нелегальных мигрантов, в Саудовской Аравии стоит достаточно остро. Высокий уровень жизни и дохода, гарантированный гражданину страны, обуславливает стремление мигрантов каким-либо образом добиться натурализации. Однако, правительством страны созданы существенные барьеры, препятствующие подобному стремлению, которые, впрочем, не распространяются на крупных инвесторов в экономику государства. Одним из таких барьеров стала практика заключения государственных контрактов между Саудовской Аравией и правительством стран-доноров мигрантов о привлечении трудовых мигрантов. В соответствии с указанными правилами рабочие организовано завозятся в страну на определенный срок и так же организовано вывозятся. При этом контрактами определен запрет на заключение контракта с лицом, которое уже однажды осуществляло трудовую деятельность в стране. Указанное ограничение было введено для воспрепятствования возможности трудовым мигрантам адаптироваться к принимающему социуму и остаться в стране на нелегальном положении. Однако, указанных мер, очевидно, недостаточно. Число нелегальных мигрантов остается стабильно высоким, в силу чего они негативно влияют на рынок труда, снижая среднюю заработную плату. В наибольшей степени от нелегальной миграции страдают такие сферы, как торговля и логистика, строительство, сфера обслуживания. Именно в указанных сферах занятость местного населения по сравнению с мигрантами минимальна, что позволяет сформировать установку в массовом сознании о возможности дискриминации граждан Саудовской Аравии в пользу мигрантов.

В качестве решения данной проблемы Саудовской Аравии активно использует практику депортации мигрантов. В течение 2010–2017 гг. было реализовано несколько депортаций, наиболее крупная из которых в 2013 г. В рамках указанной депортации правительством Саудовской Аравии нелегальным мигрантам было предложено покинуть территорию королевства в течение 4 мес. По истечении срока была реализована кампания по депортации нелегальных мигрантов с территории королевства. В результате из страны было выслано более 240 тыс. нарушителей, в том числе 100 тыс. эфиопов⁵. Указанные

⁵ Тимергалиева Л. В Саудовской Аравии прошла «охота» на мигрантов // сайт Islamtoday – URL: https://islam-today.ru/islam_v_mire/bliznij-vostok/v-saudovskoj-aravii-prosla-ohota-na-migrantov/ (дата обращения: 02.01.2021).

действия правительства страны подверглись жесткой критике со стороны правозащитных организаций, которые настаивали на особом статусе выдворяемых, которые де-факто были беженцами, но в силу особенностей миграционного законодательства королевства не смогли получить соответствующий статус.

Необходимо отметить, что многие депортации нелегальных мигрантов действительно носят этнически и конфессионально окрашенный характер. Для примера, в 2012–2015 гг. из страны было выслано 243 тыс. пакистанцев⁶, которых подозревали в связях с террористами. Упомянувшиеся выше эфиопы были в большинстве своем христианами, на которых накладываются дополнительные ограничения. Так, христианам запрещено открыто молиться и строить культовые сооружения на территории Саудовской Аравии. Причем при выявлении нарушения мигрантов ожидает серьезное наказание. Впрочем, и представители мусульманской общины, исповедующие отличные от официальной религиозной идеологии Саудовской Аравии ваххабизма течения ислама, подвергаются дискриминации. Так, в стране введена практика мутаваин или религиозной полиции, которая следит за тем, чтобы в среде мигрантов мусульман практиковались правила общественного поведения, основанные на ваххабитской интерпретации шариата⁷. Кроме того, введен запрет на конфессиональный диалог между мигрантами и коренным населением, а также между мигрантами-мусульманами и мигрантами, исповедующими иные религии. Указанный запрет касается участия мусульман в практике иных религий. Подобное участие приравнивается к вероотступничеству и карается смертной казнью [14].

Следует отметить, что мигрантов в Саудовской Аравии казнят достаточно часто. По данным Министерства иностранных дел Индонезии за период 2011–2018 гг. были вынесены приговоры к смертной казни в отношении 103 мигрантов⁸. В частности, в 2018 г. были казнены два трудовых мигранта из Индонезии – Мухаммед Заири Масрин и Тути Турсилавати. Оба обвинялись в убийстве своих работодателей. Следует отметить, что казнь Тути Турсилавати вызвала настоящий кризис в отношениях между Саудовской Аравией и Индонезией. Так, посольство Саудовской Аравии в Джакарте несколько дней осаждала толпа недовольных решением Королевства. Сожаление о казни Тути Турсилавати высказал президент Индонезии, а посол Саудовской Аравии в Индонезии даже был вызван для объяснений в Министерство иностранных дел Индонезии для объяснений.

Представляется, что столь жесткая модель регулирования миграционных процессов обусловлена господством в Саудовской Аравии ислама ваххабитского толка [2, 8], который отличается крайним фундаментализмом, вплоть до того, что его представители «и собственную ханбалитскую школу не рассматривали в качестве «конечной истины» [10, с. 69]. Причем, что важно отметить, именно ваххабизм, сыграв положительную роль в объединении арабских племен Аравийского полуострова, рассматривался в качестве важного фактора национального единства. Как следствие, религиозные ваххабитские институты играли существенную роль в функционировании государства. Только ряд реформ, предпринятых королевским домом в XX столетии и направленных на модернизацию Саудовской Аравии, несколько ослабили господство ваххабитских кругов [13, 19], которые, тем не менее сохраняют контроль за религиозной полицией (службой «муттаваин»), частично за образовательно-просветительской сферой (хотя контроль за последней постепенно сокращается). Тем не менее господство ваххабизма в качестве государственной религии обернулось тем, что в саудовском обществе формировалось

⁶ Без мигрантов: Саудовская Аравия депортирует 5 млн человек // сайт «Русская весна».[сайт]. URL: <https://rusvesna.su/news/1489302622> (дата обращения: 02.01.2021).

⁷ ماذا عبد الباقي دعاء السعودية؟ في المسيحيين عن نعرف ماذا عبد الباقي دعاء [Электронный ресурс] // Sasapost [сайт]. [21.08.2016]. URL: http://www.sasapost.com/christians_in_saudi_arabia/ (дата обращения: 29.09.2019).

⁸ Tuwo A.G., Armandhanu D. Masih Ada 13 WNI Terancam Hukuman Mati di Arab Saudi [Электронный ресурс] // Kumparan [Сайт]. [30.10.2017]. URL: <https://kumparan.com/kumparannews/masih-ada-13-wni-terancam-hukuman-mati-di-arab-saudi-1540901788185287660?ref=bcjuga> (дата обращения: 29.09.2019).

неприязненное отношение к чужакам, под которыми понимались все, вплоть до единоверцев-мусульман. И здесь важно отметить, что сама Саудовская Аравия не может быть названа единой нацией. Она представляет собой пространство, фрагментированное на различные провинции, которые отличаются языком и несхожестью политической истории. В этой связи именно ханбалитско-ваххабитская версия ислама придавала этому политическому образованию видимость национального единства, символом которого выступал и выступает, согласно Основному закону правления (конституционному акту Саудовской Аравии), монарх. Последнему, кстати, и приносится клятва на верность, а отнюдь не государству. При этом само королевство рассматривалось и рассматривается как порождение подлинной религиозной практики [5].

Однако, несмотря на господство ваххабизма, в Саудовской Аравии отнюдь не удалось создать единое общество. Значительные религиозные и социальные меньшинства (шииты, исмаилиты, представители джихадийского салафизма, светская интеллигенция, предприниматели, государственные служащие), чья политическая активность превращалась в значимый феномен общественной жизни Саудовской Аравии, вынудили руководство страны принять меры, направленные на расширение диалога с представителями оппозиционной господствующей идеологии движений. Все возрастающая политическая активность указанных групп населения была тем более важна, поскольку именно указанные группы в значительной мере формировали рабочий класс, занимавший рабочие места на нефтяных промыслах. Стремясь наладить с ними диалог, в 2003 г. был создан Центр национального диалога, объединивший последователей ханбалитства, глав шиитской и исмаилитской общин, представителей суфийских тарикатов. В рамках работы Центра разрабатывались политические рекомендации для осуществления политических реформ, основным посылом которых стала необходимость демократизации политической жизни королевства. Указанные реформы нашли свою поддержку у сформированного в 1990–2000 гг. «новом образованного класса», который именно в монархии видел инициатора демократических реформ. Новый образованный класс стал драйвером проводимого в 1990-е г. королем Абдаллой бен Абдель Азисом «этапа реформ», в рамках которого впервые было выдвинуто требование диверсификации экономики, актуализированное после «Арабской весны» 2011 г.

В 2016 г. наследным принцем Мухамедом бен Сальманом был представлен созданный на основе чаяний нового образованного класса проект реформ «Видение: 2030» [4], который был направлен на преодоление нефтяной зависимости королевства и внедрение наукоемких производств. Характерно, что именно миграция рассматривалась в качестве фактора, который, с одной стороны, может обеспечить программу реформ необходимыми средствами, а с другой стороны, оказать на них негативное влияние путем воздействия на рынок труда королевства.

Будучи государством, на территории которого расположены наиболее важные мусульманские религиозные символы, Саудовская Аравия получает существенные средства от хаджа и умры. Так, по статистике объем средств, получаемых королевством с одного паломника, равняется 5 тыс. долл. [11]. Ежегодно в рамках хаджа прибывает, согласно информации статистических ведомств, не менее 2 млн чел. (рекордным был 2011 г. – более 3 млн чел.) [11]. Иностранцы среди них составляют не менее 70%. Кроме того, значительная часть паломников прибывает в рамках малого хаджа – умры. Таким образом, одновременно в страну ежегодно прибывает до 10–11 млн паломников (в 2017 г., например, число паломников составило порядка 15 млн чел.)⁹. Только хадж предоставляет королевству не менее 30 млрд долл.¹⁰ или 11% доходной части бюджета. Согласно

⁹ В сезон умры ожидается прибытие 15 млн паломников // URL: <http://new.marwa.ru/news/v-sezon-umry-ozhidaetsya-pribytie-15-mln-palomnikov.html> (дата обращения: 02.01.2021).

¹⁰ Кириллов М., Фархутдинов Л., Нургалева Д. «Это критично для тех, у кого был единственный шанс поехать к святым местам» // газета «Бизнес-онлайн» - URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/472653> (дата

«Видению 2030», количество паломников должно достигнуть к 2030 г. 30 млн чел. [3]. Однако уже сейчас очевидно, что указанная задача едва ли будет реализована.

Другим средством финансирования программы должен был стать налог на мигрантов. В 2019 г. налог был повышен со 100 до 200 долл. К 2020 г. коммерческие компании, привлекающие на работу значительное число мигрантов, и в которых численность мигрантов превышает число занятых граждан королевства, должны будут платить 215 долл. за каждого иностранца, а также 105 долл. за каждого ребенка иностранца¹¹.

Указанная выше мера должна, с одной стороны, предоставить бюджету королевства средства для реализации программы, с другой стороны, стимулировать фирмы и организации нанимать на работу граждан королевства. Последнее, в свою очередь, должно было стимулировать работодателей вкладывать средства в обучение новых сотрудников, поскольку для королевства характерна нехватка квалифицированной рабочей силы¹². При этом более 96% вовлеченных в трудовую деятельность имеют какое-либо образование, из них 26,8% имеют законченное среднее образование, а 34,4% – степень бакалавра. Эксперты объясняют указанный факт особенностями системы образования, для которой характерно недостаточное внимание к естественным и техническим наукам. Решение указанной проблемы пока видится в направлении молодых саудовцев в иностранные университеты. Ежегодно до 90 тыс. молодых людей отправляются на обучение в ведущие университеты мира. Однако, очевидно, что только указанными мерами проблему едва ли удастся решить. Необходима как масштабная модернизация образовательной системы, так и изменение в ценностных ориентациях, формирование новых ценностей, направленных на повышение статуса технического образования. Пока, очевидно, что престиж технического образования в значительной степени ниже, чем гуманитарного (религиозного). Так, представители наиболее бедных слоев населения при поступлении в университеты выбирали специализацию «исламские науки», хотя указанное образование не гарантировало им трудоустройства.

Причина более низкого статуса естественных наук по сравнению с гуманитарными имеет историческое объяснение. Дело в том, что именно представители шиитского меньшинства формировали первые рабочие команды нефтяной компании Saudi Aramco. Создавая школы на территориях, характеризующихся значительными нефтяными запасами, нефтяная монополия поощряла население указанных территорий проходить обучение в создаваемых школах. Неудивительно, что в 1980-е гг. именно шиитское меньшинство предоставляло наибольшее количество кандидатов для поступления в Колледж нефти и нефтяных ресурсов (Университет нефти и природных ресурсов – в настоящее время). Большинство студентов созданного в 1975 г. и специализирующегося на обучении специалистов в сельском хозяйстве (растениеводство, ветеринария) и медицине Университета имени короля Фейсала также были шиитами [5].

Безусловно, эпидемия COVID-19 внесла свои коррективы в миграционную политику страны. Так, в 2019 г. королевство с целью стимулирования туризма как важного источника получения дохода в значительной степени упростило процедуру выдачи виз для иностранцев 49 стран мира, а также отменили визы для обладателей американских, британских и шенгенских виз. Но указанные меры в 2020 г. не дали каких-либо положительных результатов. Одновременно королевство вынуждено было потратить значительные суммы в рамках программы «Авда» – репатриации решивших вернуться на родину трудовых мигрантов. Всего в программе зарегистрировалось 178 452 чел. И хотя

обращение: 02.01.2021 г.).

¹¹ Гашков И. Выслать мигрантов: как Саудовская Аравия справляется с падением цен на нефть // сайт ТАСС. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7001819> (дата обращения: 02.01.2021).

¹² Косач Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // сайт журнала «Свободная мысль». - URL: <http://www.svom.info/entry/246-saudovskaya-araviya-i-arabskaya-vesna/> (дата обращения: 02.01.2021).

только чуть более 12 тыс. чел. воспользовались программой, речь идет о значительной сумме¹³.

Тем не менее королевство не намерено останавливать миграционную реформу, а наоборот всячески ее стимулирует, несмотря на сопротивление работодателей. Так, к марту 2021 г. значительно изменится положение трудовых мигрантов, принадлежащих к квалифицированным специалистам – строителям, IT-специалистам, работникам сферы торговли. В соответствии с новыми правилами, им более не нужно будет запрашивать разрешение своего работодателя для выезда из страны или въезда в нее. Также им будет дано разрешение на заключение нового контракта по истечении срока предыдущего с новым работодателем без согласия прежнего. Однако трудовые мигранты указанных категорий все равно должны будут получать разрешение на въезд в страну у официальных властей, которые могут отказать при наличии у потенциального мигранта каких-либо долговых обязательств.

Важно отметить, что указанная реформа не затронет положения мигрантов, работающих на физических лиц и низкоквалифицированных работников — домработниц, фермеров, охранников, садовников. Их зависимость от работодателя останется прежней, а в финансовом плане ухудшится. Так, в июле 2020 г. был изменен размер пошлины для мигрантов за пребывание на территории страны. Он вырос до 400 саудовских риалов (100 долл.)¹⁴ в месяц на супруга или ребенка. Очевидно, что указанные меры направлены, прежде всего, на выдавливание иностранных трудовых мигрантов с целью замещения их местными трудовыми ресурсами. Однако, как было указано выше, данные меры уже вызвали негативную реакцию со стороны компаний и физических лиц, использующих труд иностранных граждан, аргументирующих свое неприятие реформы увеличением затрат на местную рабочую силу. В условиях падения в 2020 г. цен на нефть, основной экспортный продукт королевства, роста бюджетного дефицита указанный аргумент может возыметь вес. Однако пока власти страны не намерены отказываться от реализации миграционной реформы, тем более что эпидемия COVID-19 привела к значительному сокращению миграционных потоков в страну, в том числе и в части трудовой миграции. Так, в 2020 г. по сравнению с 2015 г. коэффициент чистой миграции упал на 65,18% и составил 4,06 мигрантов на 1000 чел. населения страны (для сравнения в 2015 г. он составлял 11,65 мигрантов на 1000 чел. населения)¹⁵. Приведенные цифры дают серьезный аргумент сторонникам миграционной реформы в пользу ее реализации.

Выводы

Проведенный анализ дает возможность констатировать, что миграционная политика Саудовской Аравии в значительной мере базируется на том историческом контексте, в котором происходило становление государства, и на тех идеологических постулатах (ваххабизм), которые были использованы для обеспечения общественного единства королевства.

Идеология ваххабизма, построенная на отрицании истинности иных форм ислама, предопределила отношение к мигрантам, прибывающим из иных, в том числе и мусульманских стран. Низкий статус технического знания, опять же предопределенный тем фактом, что естественно-научное образование получали преимущественно

¹³ «Авда» домой: Саудовская Аравия тысячами вывозит трудовых мигрантов // информационный сайт EurAsia Daily. - URL: <https://easily.com/ru/news/2020/06/04/avda-domoy-saudovskaya-araviya-tysyachami-vyvozt-trudovyh-migrantov> (дата обращения: 02.01.2021).

¹⁴ На заработки в Саудовскую Аравию: что ждет трудовых мигрантов // Информационное агентство KNews. - URL: <https://knews.kg/2020/11/15/na-zarabotki-v-saudovskuyu-araviyu-chto-zhdet-trudovyh-migrantov/> (дата обращения: 02.01.2021).

¹⁵ Саудовская Аравия - Коэффициент чистой миграции // сайт knoema.com. - <https://knoema.ru/atlas/Саудовская-Аравия/topics/Демография/Население/Коэффициент-чистой-миграции> (дата обращения: 02.01.2021).

представители социальных и религиозных меньшинств, привел к зависимости королевства от иностранной рабочей силы в стратегических отраслях.

Стратегией «Видение: 2030» предпринимается попытка освободиться от зависимости от иностранной рабочей силы и заместить ее местными кадрами. Эпидемия COVID-19 может сыграть в указанной ситуации двойную роль. Так, сопротивление местных работодателей и негативная экономическая ситуация, снижением цен на нефть, вследствие эпидемии, могут привести к срыву данной инициативы. С другой стороны, сокращение миграционного потока вследствие закрытия из-за COVID-19 границ королевства для мигрантов, может заставить местных саудовских работодателей обратить взор на местную рабочую силу, пренебрегая возможными религиозными и национальными предрассудками.

Таким образом, можно объективно констатировать, что опыт Саудовской Аравии в формировании и проведении миграционной политики является достаточно специфическим и не может служить универсальной моделью для государств, имеющих иные идеологические ценности и нормы. Более того, очевидно, что сама Саудовская Аравия в настоящее время стоит на пороге пересмотра своей миграционной политики в сторону ее большей либерализации.

Литература

1. *Грязев А., Сулова Е.* Саудовская Аравия высылает мигрантов //Газета.ру. - 2017. - 12 марта. - URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/12/10572227.shtml> (дата обращения: 29.08.2019).
2. *Добаев И.П.* Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе //Научная мысль Кавказа. - 2001. - №3. - С. 56-67.
3. *Дударев К.П.* Ветры перемен над Саудовской Аравией //Азия и Африка сегодня. - 2017. - № 11. - С. 39-44.
4. *Косач Г.* «Видение: 2030». Саудовские реформы //Россия и мусульманский мир. - 2017. - №6. - С. 107-124.
5. *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: национальное единство без плюрализации // Политическая наука. - 2016. - №1. - С. 60-79.
6. *Кривов С.В., Рыжов И.В., Гнездова (Сидорова) Е.В.* Политика в области гражданства арабских государств в контексте эволюции миграционных процессов на Ближнем Востоке //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. - 2017. - № 1 (250). - С. 165-170.
7. *Кривов С.В., Сидорова Е.В.* Тенденции миграционных процессов на арабском Ближнем Востоке: история и современность //Мировая политика. - 2015. - № 4. - С. 53-65.
8. *Маргулис С.Б.* Доктринальные основы формирования исламского фундаментализма //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2020. - № 3. - С. 165-174.
9. *Медушевский Н.А.* Миграция в Саудовскую Аравию: социальный и религиозный вопросы (2011-2017 гг.) //Исламоведение. - 2018. - Т.9. - № 1. - С. 29-41.
10. *Мелихов И.* Эволюция ваххабитского фактора в Саудовской Аравии //Россия и мусульманский мир. - 2016. - №7. - С. 67-81.
11. *Мохаммад М.Д., Ворочков А.П.* Роль «исламского фактора» в политике Саудовской Аравии //Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. - 2014. - № 23. - С. 97-100.
12. *Науменко Т.В., Тимахов К.В.* Саудовская Аравия и её конкурентоспособность среди стран ближневосточного региона //Вестник МГИМО-Университета. - 2019. - № 1(64). - С. 147-167.
13. *Нейматов А.Я.* Исламский фактор и его влияние на политику Саудовской Аравии //Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. - 2010. - №1. - С. 196-199.

14. Саудовская Аравия. Религия и государство, роль религии в политике [Электронный ресурс] // Политический атлас современности [сайт] URL: <http://www.hyno.ru/tom2/1364.html>. (дата обращения: 29.09.2019).
15. Попенков О.Н. Саудовская Аравия: теория и практика ваххабизма; «мечты» кавказских сепаратистов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2014. - №4. - С. 40-44.
16. Рязанцев С.В., Безвербный В.А., Химси М. Влияние диаспор и трудовой миграции на социально-экономическое развитие стран Ближнего Востока // Сегодня и завтра Российской экономики. - 2018. - №91-92. - С. 5-19.
17. Чикризова О.С. Саудовская модель развития для «мира ислама»: особенности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. - 2019. - Т. 19. - №4. - С. 545-565.
18. Шишков В.В. Перспективы образования неоимперских центров в арабомусульманском мире: политологический анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. - 2014. - Т. 9. - № 4. - С. 177-195.
19. Mayevskaya L.B. The peculiarities of wahhabism doctrine in today's Saudi Arabia (the second half of the XX century - XXI century) // Modern Science. - 2016. - №10. - P. 60-65.

References

1. Grjazev A., Suslova E. Saudovskaja Aravija vysylaet migrantov [Saudi Arabia is sending migrants]. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2017/03/12/10572227.shtml> (Accessed: 29.08.2019). (In Russian).
2. Dobaev I.P. Vahhabizm kak social'no-politicheskij fenomen v Saudovskoj Aravii i na Severnom Kavkaze [Wahhabism as a socio-political phenomenon in Saudi Arabia and the North Caucasus]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2001, I. 3, pp. 56-67. (In Russian).
3. Dudarev K.P. Vetry peremen nad Saudovskoj Araviej [Winds of Change over Saudi Arabia]. *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today]. 2017. I. 11, pp. 39-44. (In Russian).
4. Kosach G. «Videnie: 2030». Saudovskie reform ["Vision: 2030". Saudi reforms]. *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world]. 2017, I. 6, (300), pp. 107-124. (In Russian).
5. Kosach G.G. Saudovskaja Aravija: nacional'noe edinstvo bez pljuralizacii [Saudi Arabia: National Unity Without Pluralization]. *Politicheskaja nauka* [Political Science]. 2016, I. 1, pp. 60-79. (In Russian).
6. Krivov S.V., Ryzhov I.V., Gnezdova (Sidorova) E.V. Politika v oblasti grazhdanstva arabskih gosudarstv v kontekste jevoljucii migracionnyh processov na Blizhnem Vostoke [Politics in the field of citizenship of Arab states in the context of the evolution of migration processes in the Middle East]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*. [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science]. 2017, I. 1, pp. 165-170. (In Russian).
7. Krivov S.V., Sidorova E.V. Tendencii migracionnyh processov na arabskom Blizhnem Vostoke: istorija i sovremennost' [Trends in migration processes in the Arab Middle East: history and modernity]. *Mirovaja politika* [World politics]. 2015, I. 4, pp. 53-65. (In Russian).
8. Margulis S.B. Doktrinal'nye osnovy formirovanija islamskogo fundamentalizma [Doctrinal foundations of the formation of Islamic fundamentalism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science]. 2020, I. 3, pp. 165–174. (In Russian).
9. Medushevskij N.A. Migracija v Saudovskuju Araviju: social'nyj i religioznyj voprosy (2011-2017) [Migration to Saudi Arabia: social and religious issues (2011-2017)]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2018, V. 9, I. 1, pp. 29-41. (In Russian).

10. Melihov I. Jevoljucija vahhabitskogo faktora v Saudovskoj Aravii [Evolution of the Wahhabi factor in Saudi Arabia]. *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world]. 2016, I. 7, pp. 67-81. (In Russian).
11. Mohammad M.D., Vorochkov A.P. Rol' «islamskogo faktora» v politike Saudovskoj Aravii [The role of the "Islamic factor" in the politics of Saudi Arabia]. *Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznanija* [Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition]. 2014, I. 23, pp. 97-100. (In Russian).
12. Naumenko T.V., Timahov K.V. Saudovskaja Aravija i ejo onkurentosposobnost' sredi stran blizhnevostochnogo regiona [Saudi Arabia and its competitiveness among the countries of the Middle East region]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO University]. 2019, I. 1, pp. 147-167. (In Russian).
13. Nejmatov A.Ja. Islamskij faktor i ego vlijanie na politiku Saudovskoj Aravii [The Islamic factor and its influence on the policy of Saudi Arabia]. *Vestnik MGOU. Serija: Istorija i politicheskie nauki*. [Vestnik MGOU. Series: History and Political Science]. 2010, I. 1, pp. 196-199. (In Russian).
14. Saudovskaja Aravija/Religija i gosudarstvo, rol' religii v politike. *Politicheskij atlas sovremennosti*. Available at: <http://www.hyno.ru/tom2/1364.html>. (Accessed: 29.09.2019). (In Russian).
15. Popenkov O.N. Saudovskaja Aravija: teorija i praktika vahhabizma; «mechty» kavkazskih separatistov [Saudi Arabia: Theory and Practice of Wahhabism; “Dreams” of the Caucasian separatists]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]. 2014, I. 4, pp. 40-44. (In Russian).
16. Rjazancev S.V., Bezverbnij V.A., Himsi M. Vlijanie diaspor i trudovoj migracii na social'no-jekonomicheskoe razvitie stran Blizhnego Vostoka [The impact of diasporas and labor migration on the socio-economic development of the Middle East]. *Segodnja i zavtra Rossijskoj jekonomiki* [Today and tomorrow of the Russian economy]. 2018, I. 91-92., pp. 5-19. (In Russian).
17. Chikrizova O.S. Saudovskaja model' razvitija dlja «mira islama»: osobennosti i ogranichenijav [Saudi model of development for the "world of Islam": features and limitations]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2019, V. 19, I. 4, pp. 545-565.
18. Shishkov V.V. Perspektivy obrazovanija neoimperskih centrov v arabo-musul'manskom mire: politologicheskij analiz [Prospects for the formation of neo-imperial centers in the Arab-Muslim world: political analysis]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika* [Bulletin of international organizations: education, science, new economy]. 2014, V. 9, I. 4, pp. 177-195 (In Russian).
19. Mayevskaya L.B. The peculiarities of wahhabism doctrine in today's Saudi Arabia (the second half of the XX century - XXI century). *Modern Science*, 2016, I. 10. P. 60-65.